

Пари с герцогом

Автор:

Валери Боумен

Пари с герцогом

Валери Боумен

Шарм (АСТ)

Анекдотам об отношениях знатных леди и красавцев конюхов буквально нет числа. Но мог ли Рис Шеффилд, герцог Уортингтон, легкомысленно согласившийся на один вечер изобразить конюха в имении своего друга, предположить, что станет персонажем одной из таких историй?

Остроумная и язвительная Джулиана, леди Монтомери, узнала человека, который два года назад разорвал помолвку с нею. Решение отомстить пришло немедленно – и она с удовольствием принялась превращать жизнь Риса в ад язвительными насмешками и коварными намеками.

Герцог принимает бой. Опасная и забавная игра начинается – и ставки в ней растут с каждой минутой...

Валери Боумен

Пари с герцогом

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Valerie Bowman

DUKE LOOKS LIKE A GROOMSMAN

Перевод с английского Е. Максимовой

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency и Synopsis Literary Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© June Third Enterprises, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Пролог

Лондон, июль 1814 года

Рис Шеффилд, герцог Уортингтон, прекрасно проводил вечер. Впрочем, все его вечера проходили прекрасно: как обычно, они с друзьями выпивали, а затем отправлялись в игорный дом Холлистера, где он, как правило, за несколько часов проигрывал небольшое состояние.

Сегодня часть вечера, отводившаяся под выпивку с друзьями, проходила, к его удовольствию, в таверне «Любопытный козел». Приличное местечко в стороне от Мейфэра, где они с Кендаллом, Беллом и Клейтоном могли спокойно выпивать и беседовать без пристального надзора других представителей высшего общества. «Любопытный козел» был куда предпочтительнее старомодных чопорных джентльменских клубов на Сент-Джеймс-стрит.

Перед тем как зайти в заведение, друзья с радостью поздравили его с возвращением к прежней жизни: наконец-то он стал самим собой. До самого недавнего времени он был совершенно другим человеком, о чем регулярно напоминала головная боль, но не любил об этом думать и старался задвинуть неприятные мысли подальше всякий раз, когда они приходили в голову.

Рис как раз заказывал свою третью вечернюю порцию эля у хорошенькой барменши, как вдруг Кендалл ни с того ни с сего выпалил:

– Знаете, друзья, я надумал жениться.

Все трое в мгновение ока повернулись к Лукасу и уставились на приятеля так, словно он лишился чертова рассудка или обзавелся второй головой.

Рис, который никогда не лез за словом в карман, первым обрел дар речи. Словно отгоняя наваждение, трижды плюнул через левое плечо, поморщился, глубоко вдохнул, энергично помотал головой и руками и только потом заговорил.

– Жену? Боже милостивый, старина! Ну что за необходимость бросаться, как в омут головой, во что-то настолько... постоянное.

Кендалл не был похож на сумасшедшего. После того как друзья одновременно закончили Оксфорд, Кендалл быстро пошел в гору и стал commodore военно-морского флота его величества. Но отец, предыдущий граф, не преподнес ему патент на блюдецке с голубой каемочкой. Нет, Кендалл вкалывал как проклятый. Никто не мог сравниться с ним в усердии и преданности. И вот этот бедолага действительно задумал жениться? Кендаллу что, было мало попытки с вероломной леди Эмили Форсуэл. Неужели он забыл, как она его предала?

– Мы не становимся моложе, – ответил Кендалл.

– Да мы в свои двадцать девять еще щенки, – возразил Уортингтон. – Когда я родился, моему отцу было за пятьдесят.

Его отец был закоренелым холостяком долгие годы, но потом все-таки женился и, как и подобает, произвел на свет сына, Риса. Разумеется, получив наследника, отец решил продолжать ту же жизнь, какую вел до женитьбы, предоставив супруге развлекаться так, как она хочет, что та и делала с удовольствием. В результате их сына в основном воспитывали слуги, гувернантки и наставники.

Отец время от времени заезжал в свое герцогское имение, чтобы посмотреть, как растет его сын, убедиться, что он понимает значимость титула, и дать совет-другой насчет женщин (Рис серьезно сомневался в их здравости).

Уж точно эти советы не помогли ему в тот единственный раз, когда Рис едва не сделал предложение некой леди, едва избежал печальной участи, вовремя обнаружив, что указанная леди интересовалась исключительно его титулом. Эту мысль он тоже заталкивал как можно дальше всякий раз, как она всплывала в голове.

Белл – Бомонт Белхем, маркиз Беллингем – тоже попытался вразумить друга. Белл оставался холостяком, поскольку все его время было посвящено работе в министерстве внутренних дел. Когда-то он готов был отказаться от своего титула, чтобы попасть на войну против Франции. Слава богу, его просьбу отвергли.

Вместо этого ему предложили должность в министерстве внутренних дел, где в целом ему ничто не угрожало, хотя раньше Белла отправляли на довольно опасные задания, и Рис об этом знал.

Белл был умен, прямолинеен и целеустремлен. Если у него и имелся какой-то недостаток, так это его желание работать день и ночь. Маркизу требовался отдых больше, чем кому бы то ни было, и друзья достаточно часто ему об этом говорили, но вместо того, чтобы последовать этому совету, Белл говорил, например, Рису, что ему следовало бы хоть один денек как следует потрудиться вместо того чтобы попусту тратить свое время, проигрывая кучу денег и волочась за женщинами. Ну и кому нужны такие советы?

Белл прищурился, глядя на Кендалла:

– Ты уверен, что готов к этому? Прошло всего два года после того, как...

Продолжать не имело смысла: все они знали, что он имеет в виду, – да и выражение лица Кендалла не сулило Беллу ничего хорошего.

– Хвала небесам! Просто дожидаться не могу, когда уже я перестану быть тем единственным среди нас, кого связывают узы супружества, – наконец подал голос Эван Ферчайлд, виконт Клейтон.

Рис засмеялся. Клейтон совсем недавно позволил себя стреножить, причем сознательно. Виконт был чрезвычайно богат, занимался наукой и политикой, принимал активное участие в работе парламента и никому даже в голову не приходило, что он женится первым. Клейтон на днях вернулся из свадебного путешествия и выглядел совершенно счастливым, так что даже Рису пришлось признать, что брак, похоже, пошел ему на пользу. Кто знает? Возможно, это и правда не так уж и плохо: дом, жена, дети...

Рис сделал большой глоток из кружки и посмотрел на всех троих друзей. Они дружили с детства, когда юнцами встретились в Итоне, и с тех пор всегда держались вместе, несмотря ни на что. Каждый играл в этой компании свою раз и навсегда отведенную ему роль.

Как раз сейчас Кендалла больше всего волновал билль о занятости, который был частью законопроекта, выдвинутого его старшим братом перед смертью от чахотки и который пытался протащить через парламент.

Белл, маркиз Беллингем, отслеживал изменника, из-за предательства которого английская армия потерпела поражение в битве на испанском берегу реки Бидасоа.

Рис вдруг осознал, что лишь у него нет никаких занятий, которые хотя бы отдаленно походили на серьезные. Он по-прежнему посещал питейные заведения и волочился за женщинами. В конце концов, именно этого общество ожидало от герцога Уортингтона, повесы и лоботряса. Он был одним из немногих обладателей его титула, кого куда больше заботили собственные удовольствия, чем благосостояние их имений. Для этого существуют управляющие, и у Риса имелся таковой. Мало того: как они считали, почти

ежедневно им приходилось встречаться и Рис должен был выслушивать скучнейшие доклады о том, как идут дела в его собственности. Чего еще можно от него требовать? В конце концов, жизнь существует не для того, чтобы проводить ее, уткнувшись в бухгалтерские книги с бесконечными столбцами цифр, да и вообще в какие-либо книги, если уж на то пошло. И сколько бы Белл ни подначивал его из-за нелюбви к чтению, Рис по-прежнему был убежден, что это тоска смертная.

Как раз с цифрами Рис неплохо управлялся, но вместо того, чтобы применять свои способности в управлении имениями, использовал их за карточным столом, если не был изрядно навеселе. К сожалению, это случалось чаще, а потому и проигрывал. Но какая разница? Сегодня проиграл – завтра отыгрался, в этом и есть прелесть игры: всегда имеется второй шанс. В отличие от женитьбы.

А вот с женитьбой сложнее – можно застрять до конца жизни. Он убедился на собственном опыте, что почти все дамочки – коварные лгуны: готовы на все, чтобы выудить рыбку покрупнее. А в их мире, в блестящем высшем свете, самая крупная рыба – это, конечно, если не представитель королевской семьи, то герцог. Эту истину родитель вкладывал в голову Риса с тех пор, как тот едва научился говорить, поэтому отпрыск всегда относился к дамам с особой осторожностью, то есть предпочитал отношения без обязательств.

В отличие от Кендалла Рис хотя бы не сделал официального предложения даме, в которую едва не влюбился. Что касается леди Эмили Форсуэл, Рис всегда с подозрением относился к ней. Эта женщина никогда не проявляла особой радости при виде жениха, и когда накануне свадьбы она бросила его ради барона, Рис не удивился, хотя и пришел в ярость, причем это задело его куда сильнее, чем самого Кендалла.

Сам Лукас, в то время еще второй сын, служивший в военно-морском флоте, принял эту новость со своего рода сдержанной печалью, но Рис был готов отыскать эту женщину и высказать ей все, что думает о ее поступке. Не то чтобы именно ему следовало читать нотации кому бы то ни было, но уж Кендалл-то имел на это полное право.

Риса смогло утешить только одно: теперь леди Эмили придется до самой смерти жить с мыслью, что она прогадала, бросив графа ради какого-то барона. Ха!

– Я не шучу, – продолжал между тем Кендалл. – Мне нужно обезопасить графство. Боюсь, я слишком увлекся политикой, а надо бы заняться поисками невесты.

– Я точно не соглашусь с тем, что ты увлекся, скорее ты ею одержим, – фыркнул в ответ Рис.

Кендалл пожал плечами.

– Ну, теперь, когда палата лордов отложила голосование до осенней сессии, у меня появилось больше времени, чтобы добиться необходимой поддержки, так что можно всерьез заняться поисками второй половины.

– Я никогда не обременяю себя присутствием в парламенте, – отозвался Рис. – Отнимает кучу времени, часы работы неудобные, а все эти бесконечные дебаты изнурительны.

Белл кинул на него страдальческий взгляд и покачал головой.

– Не приведи господь тебе заинтересоваться своим членством в парламенте или каким-то вопросом из тех, с которыми имеет дело наша страна.

Рис одарил его одной из своих самых обаятельных улыбок и ответил, хлопнув Белла по спине:

– Я абсолютно уверен, что вы, ребята, отлично справитесь сами!

– Когда придет время голосовать за билль моего брата, – продолжил Кендалл, обращаясь к Рису, – я приеду к тебе домой и лично вытащу из кровати.

Хохот Беллингема и Клейтона заполнил альков, в котором они сидели, поскольку друзья знали, что больше всего Рис ненавидит вставать рано утром, а сам он подумал: «Хотел бы я на это посмотреть», – но решил оставить эту мысль при себе, заметив:

– Давайте не будем говорить о таких неприятных вещах. Куда интереснее обсудить поиски невесты для Кендалла. Напомни-ка, сколько тебе лет. – Рис

откинулся на спинку кресла, скрестил на груди руки и прищурился, глядя на друга.

Он не хуже всех остальных знал, что все они одногодки, но ему нравилось делать вид, что забыл об этом. Как часто повторял его отец, возраст всего лишь бессмысленное число.

Кендалл выгнул бровь.

– Мы с тобой ровесники, старина.

– В таком случае, – объявил Рис, – у тебя еще уйма времени, чтобы подыскать спутницу жизни.

– Так может рассуждать лишь тот, кто никогда даже не задумывался о том, чтобы обезопасить свой титул, – парировал Кендалл с добродушной улыбкой.

– Тут я с тобой спорить не могу, – демонически усмехнулся в ответ Рис и отвернулся, одарив барменшу очередной обаятельной улыбкой, прежде чем заказать по очередной порции эля для всех присутствующих.

– Что ж, если ты всерьез решил жениться, то немного опоздал: сезон закончился, – вмешался Клейтон. – Похоже, ты упустил свой шанс. Все светское общество на следующей неделе отправится в свои загородные имения, как только парламент уйдет на каникулы.

– Да, я знаю, – коротко кивнул Кендалл. – Только у меня мурашки по спине ползут от мероприятий сезона. Мамаши и их жеманные дочурки щеголяют безупречным поведением в надежде завлечь богатого мужа, но мне это не нужно.

– А ты знаешь другой способ найти жену?

Белл прищурился, и Рис понял, что маркиз что-то задумал.

– Пока не знаю. – Кендалл взял свою порцию выпивки. – Но на этот раз я намерен найти леди, которая согласится выйти за меня не ради денег.

Вот оно, единственное признание Кендаллом сокрушительной неудачи с леди Эмили. Ну что ж, по крайней мере он сделал выводы. Рис, разумеется, понятия не имел, как следует искать спутницу жизни, для которой деньги не главное: ему это казалось совершенно невозможным, – но во всяком случае подход правильный. Хвала Иисусу, его друг наконец-то образумился.

– Думаю, никто не станет оспаривать тот факт, что леди Эмили поступила подло и нет ей оправданий! – воскликнул Рис. – Для меня она больше не существует.

– А можно не обсуждать леди Эмили? – попросил Кендалл, прикрыв лицо ладонью.

Рис опять улыбнулся, когда появилась барменша с напитками, и попросил, прежде чем повернуться к Лукасу:

– Неси еще, милая!

Кендалл взял кружку и, отсалютовав ею Рису, заявил:

– Разве я еще не сказал? Сезон со всеми его мероприятиями совершенно неподходящее место, где можно найти спутницу жизни.

– Ах вот почему ты перестал посещать скучные балы в «Олмаке», – ухмыльнулся Рис. – А я думал, дело в жидком чае и светских сплетнях. Я-то держусь от него подальше именно из-за этого.

– Вовсе нет: просто там не наливают бренди, и мы все это знаем, – возразил Белл, скрестив руки на груди и с усмешкой посмотрев на друга.

Рис и не собирался ничего отрицать.

– Пусть так, но еще и потому, что у них не делают таких ставок, как у Холлистера.

Кендалл поскреб подбородок и, безучастно посмотрев на свою кружку, пробормотал:

– Если бы светские барышни не знали, что я граф, мне было бы куда проще найти себе пару.

Хохот Риса эхом отразился от деревянных балок и панелей таверны.

– Я бы хорошо заплатил, чтобы полюбоваться на эту картину: граф, вырядившийся как простолюдин, чтобы встретить истинную любовь. Как романтично, верно?

Клейтон тоже засмеялся и покрутил головой, но Белл шутку не принял, прищурился и, склонив голову набок, задумчиво проговорил:

– А ведь это не такая уж несуразная идея.

– Ты о чем? – не понял Кендалл.

– Насчет переодеться простолюдином, чтобы найти жену.

– Рехнулся, старина? Ты ведь даже не пьешь! – опять рассмеялся Рис и хлопнул друга по плечу.

Маркиз действительно предпочитал всегда иметь трезвую голову и оставаться в здравом уме, и все они об этом знали. Именно благодаря трезвости ему всегда удавалось держаться в стороне от любых скандалов и переделок, в которые попадали остальные.

Белл подался вперед и посмотрел на Кендалла.

– Ты знаешь, а ведь можно попробовать...

– Выступить в роли простолюдина? – уточнил Кендалл. – Не понимаю как...

– Да в обществе его знают как облупленного, – заметил Клейтон. – Как вы себе это представляете?

Хм... Неужели Белл это серьезно? Рис пристально посмотрел на друга. Похоже, и в самом деле. А ведь это и правда может оказаться забавным, весьма забавным.

– Ты предлагаешь ему носить маску или изменить внешность? – спросил Рис у Белла. Неужели это и вправду возможно?

Кендалл смотрел на друзей как на умалишенных.

– Вы не можете говорить об этом серьезно... Клейтон прав: как бы я смог изменить внешность?

– Нет, я не про внешность, – задумчиво проговорил Белл, обращаясь к Рису, – а скорее про... ситуацию.

– И что же? – Рис аж подался вперед, явно заинтересовавшись.

– Слушайте, вы меня просто пугаете, – не на шутку встревожился Кендалл. – Вы что, и в самом деле намерены воплотить в жизнь эту абсурдную идею?

– Можно устроить загородный прием, – предложил Белл, поглаживая подбородок и не обращая внимания на Кендалла.

Рис слегка склонил голову.

– Загородный прием, да. А что, это идея...

– Но, конечно, речь не идет о любом загородном приеме, – продолжил Белл. – Его должен устроить кто-нибудь из нас троих, чтобы обеспечить чистоту эксперимента.

– Эксперимент? – встрепенулся Клейтон. – На свете мало что увлекает меня больше экспериментов. К тому же я как раз собираюсь рассылать приглашения на мой ежегодный загородный прием.

– Эксперимент? – повторил Кендалл.

Белл щелкнул пальцами.

– Это же здорово, Клейтон!

– Стоп, стоп, стоп, стоп! – Кендалл, сидевший между Беллом и Рисом, обеими руками уперся им в плечи, не в силах поверить, что они это серьезно. – Кто бы ни устраивал прием, мою внешность он не изменит. Все присутствующие все равно будут знать, кто я такой.

– А ведь он прав, – заметил Клейтон и залпом допил свой эль.

– Вовсе нет, если ты откорректируешь список приглашенных, сделав ставку только на дебютанток этого сезона, – заметил Белл и губы его растянулись в самодовольной усмешке. – И если создашь правильные обстоятельства.

Кендалл с силой втянул воздух и оттолкнул подальше кружку с элем.

– Возможно, юные леди меня и не знают, но уж кое с кем из их мамаш мы знакомы: они могли появляться при дворе или в свете со старшими дочерьми.

– И вот тут вступают в дело правильные обстоятельства, – спокойно сказал Белл, скрестив на груди руки.

Рис поскреб уже заросший щетиной подбородок и усмехнулся.

– Клянусь богом, ты все основательно продумал.

– Я отказываюсь носить маску, если ты об этом. Прямо Средневековье какое-то! – заявил Кендалл и замотал головой.

– Не маску, – парировал Белл, откинувшись на спинку кресла и пощипывая нижнюю губу, – жест, свидетельствовавший о том, что он что-то замышлял.

– И костюм лакея – тоже, – буркнул Кендалл, отталкивая кружку еще дальше, для верности, чтобы в голове просветлело.

– Не то чтобы костюм... – Белл и Рис обменялись плутовскими улыбками.

– Клянусь богом, там будет на что посмотреть! – кивнул Рис.

– Посмотреть на что? – Кендалл в замешательстве поморщился. – Я вообще перестал понимать, о чем, черт вас побери, вы говорите.

– А говорим мы о том, что Лукас Дрейк, граф Кендалл, выступит в роли слуги на загородном приеме виконта Клейтона, – все еще ухмыляясь, отозвался Белл.

Кендалл моргнул.

– Слугой?

– Да. Это прекрасная идея, – кивнул и Рис.

Кендалл повернулся к нему и посмотрел так, будто друг лишился рассудка.

– Я, в роли слуги? Да что же тут хорошего?

– Даже если он переоденется в слугу, это не решает проблемы, – возразил Клейтон. – Его все равно могут узнать.

– Как правило, в свете не обращают внимания на слуг и вообще их не замечают, пока что-нибудь не потребуется, – заметил Белл. – Когда я учился в школе шпионов, узнал многое о том, как не привлекать к себе посторонние взгляды. Готов биться об заклад, что ни одна леди даже не взглянет на Кендалла лишний раз, если он наденет ливрею, бриджи до колен и напудренный парик, и будет выполнять обязанности слуги.

– И тут есть еще дополнительное преимущество: слуга имеет возможность незаметно наблюдать за леди, чтобы понять, как она относится к людям на самом деле, – добавил Рис, откидывая со лба длинные темные волосы. – Готов биться об заклад, что с потенциальным женихом она старается выглядеть как можно лучше, а со слугой будет вести себя естественно. Бог свидетель, я не раз видел, как это проделывала моя мать.

– Вы оба психи – знаете об этом? – Кендалл выглядел по-настоящему встревоженным.

– Хм... – задумчиво проговорил Клейтон, подергав себя за галстук. – Я с огромным удовольствием предоставляю свой загородный дом как площадку для такого эксперимента. Мне кажется, это будет забавно.

– Значит, ты тоже свихнулся, – заявил Кендалл.

– Да ты только подумай, – воскликнул Белл, – какая появляется возможность получить именно то, чего ты хочешь! Беспрепятственный взгляд на свежий урожай дебютанток, которые ведут себя совершенно естественно, потому что не знают, что ты за ними наблюдаешь!

Кендалл прищурился, глядя на маркиза.

– Меня по-настоящему тревожит то, что ты не видишь сложностей в этом плане.

Белл пожал плечами.

– Каких сложностей? Риск не так уж велик. Если кто-то тебя и узнает, мы просто попросим его подыграть нам. Наверняка ему это тоже покажется забавным.

– А что, если я найду леди, которая мне понравится? – спросил Кендалл. – Предполагается, что я просто сорву с себя ливрею, объявлю, кто я на самом деле, и буду ждать, что она безумно в меня влюбится?

– Вовсе нет, – сказал Белл. – Я всего лишь предлагаю, чтобы ты присмотрелся к молодым леди, понаблюдав со стороны. У меня нет никаких сомнений: там будет из кого выбрать, чтобы знать, за кем ухаживать в следующем сезоне.

Кендалл медленно покачал головой и подтянул к себе кружку. Наконец-то. Похоже, идея начинала ему нравиться.

– Ты предлагаешь, чтобы я выбрал себе невесту на основании ее обращения с лакеем?

Белл, выгнув бровь, неторопливо и размеренно произнес:

– А как обращалась со слугами леди Эмили?

Кендалл стиснул зубы, Рис поджал губы. А ведь неплохо подмечено. Белл всегда точно знал, что нужно сказать. Леди Эмили частенько кричала на слуг, и все четверо это видели.

– Судя по выражению твоего лица, улавливаешь, о чем я, – протянул Белл.

Кендалл некоторое время обдумывал услышанное, и по тому, как светлело его лицо, Рис понял, что друг начинает осознавать преимущества их плана, по крайней мере должен. Ему ведь нужна жена. А это ли не лучший способ отыскать ту, которой можно будет доверять?

– Я готов составить тебе компанию, – небрежно бросил Белл, пожав плечами.

– Что? – Брови Риса сошлись на переносице. – А тебе-то это зачем?

Белл расправил плечи и откинулся на спинку кресла.

– Потому что я, как никто, умею маскироваться. Кстати, благодаря этим способностям я свел поиски предателя с реки Бидасоа к одному вместо троих.

– Того самого, которого сыщики из министерства внутренних дел искали годы? – уточнил Рис, понизив голос.

– Да, его, – подтвердил Белл. – И если наш Клейтон готов пригласить всю нашу компанию на свой загородный прием, я тоже с радостью исполню роль слуги, для надежности.

Рис запрокинул голову и расхохотался.

– Мне бы следовало догадаться, что у тебя имелся свой мотив, Белл. Ты никогда не забываешь про свою миссию, потому и не пьешь.

Белл ухмыльнулся еще шире.

– Почему бы не воспользоваться подвернувшейся возможностью убить сразу двух зайцев? Признаюсь, я уже обдумывал свой план, когда Кендалл сообщил нам, что намерен жениться, но если это поможет нам обоим, будет просто здорово, вот что я вам скажу. Главное – научиться вести себя как слуги: обслуживать гостей и выполнять все обязанности слуг, – а также освоить речь простолюдинов.

– Хм... А мне и впрямь нравится эта идея. – Клейтон сделал большой глоток эля. – Обожаю интригу, не говоря уж о моей любви к экспериментам. Ну как, Кендалл, согласен?

Лукас поднес кружку к губам и, осушив одним глотком, утер рот тыльной стороной ладони.

– Если уж сам маркиз Беллингем, шпион его величества, готов пойти на эту авантюру, то как я могу отказаться?

Рис принял из рук барменши очередную кружку с элем, подбросил в воздух монету – чаевые девушке, – игриво улыбнулся и вернулся к разговору.

– Лично я так заинтригован, что намерен не только наблюдать за представлением, но и поставлю крупную сумму на успех предприятия, причем для вас обоих. Согласны на пари?

Белл закатил глаза.

– Герцог Уортингтон в своем репертуаре.

– Может быть, но согласись: это пари действительно очень соблазнительное. – Рис кивком указал на Кендалла. – Скажем, пять сотен фунтов на то, что вас обоих не больше чем за неделю разоблачит какая-нибудь востроглазая мамаша.

– Принимаю ставку! – заявил Клейтон, подняв палец. – Полагаю, Уортингтон, ты будешь присутствовать как гость?

Кендалл фыркнул так громко, что не услышал ответ Риса.

– Разумеется, как гость. Наш приятель Уорт в жизни не сошел бы за лакея. Да он и ночи не продержится в образе.

Рис выпрямился и, расправив плечи, заявил:

– Я считаю это оскорблением. Если вы, шпион и пьянчуга, думаете, что с этим справитесь, то я уж точно могу.

Клейтон надул щеки и покачал головой, стараясь не встречаться с Рисом взглядом.

– Хм... Я вот не уверен, что готов согласиться с тобой, старина.

Рис скрестил на груди руки и недовольно посмотрел на друга.

– Ты что, и правда думаешь, я не сумею?

– Более того: уверен, – признался Клейтон, сконфуженно улыбаясь. – Если действительно придется играть роль слуги и выполнять настоящую черную работу, ты не справишься.

Рис перевел взгляд на Белла.

– Ты тоже так считаешь?

Неужели друзья и в самом деле столь невысокого мнения о нем? Он знал, что репутация у него не ахти, но не могут же самые близкие так плохо его знать... А может, он и правда такой никчемный, что не в состоянии поработать слугой какие-то две недели?

Белл покачал головой.

– Ни единого шанса! Прошу прощения, ваша светлость, но слишком уж вы привыкли, чтобы обслуживали вас, чтобы обслуживать других.

– Зато я знаю, как это следует делать правильно, – возмутился Рис, окончательно выходя из себя.

Кендалл фыркнул.

– Боюсь, знать, как надо прислуживать, и делать это самому, не одно и то же.

Рис аж задохнулся от негодования: каков лицемер!

– Да ты же сам чертов граф! С чего ты взял, что сможешь выполнять обязанности лакея?

– Хотя я и граф, но мне не привыкать к труду. Я провел много лет на флоте, где выполнял любую черную работу – к примеру, щипал паклю или вычищал червей из галет. И это еще не самые неприятные дела по сравнению с некоторыми другими, – ответил ему Кендалл.

Рис так саданул ладонью по столу, что подпрыгнули кружки.

– Отлично! Тысяча фунтов за то, что я тоже продержусь две недели в качестве слуги, вернее – дольше любого из вас.

– Ну и кто в конечном счете ненормальный? – спросил Клейтон, вскинув брови.

– Я совершенно серьезно, – повторил Рис. – Тысяча фунтов, джентльмены. Кто принимает ставку?

– Я, – ответили все трое в унисон.

Герцог Уортингтон поклялся себе, что выиграет это пари, даже если это будет его последним делом на земле.

Девон, август 1814 года

Загородное имение виконта Клейтона

Хвала Иисусу, он все-таки сбежал из дома. Миссис Котсуолд, экономка Клейтона, могла становиться драконом, если понадобится.

Получив задание поднатаскать трех аристократов, чтобы смогли сойти за прислугу в доме Клейтона, энергичная дама взялась за них еще в Лондоне и продолжила здесь, за городом. Имей Рис хотя бы малейшее представление о суровой дисциплине и пристальном наблюдении, под которым окажется в роли слуги, вряд ли захотел бы принять участие в «эксперименте» (как нравилось называть это предприятие Клейтону). Но поскольку ставку он уже сделал, отступить было поздно, как бы ни зверствовала миссис Котсуолд. Кроме того, сама сумма, которую Рис поставил, не давала возможности отступить, даже если экономкой у Клейтона была бы сама горгона Медуза.

Они даже название дали своему маленькому эксперименту: «Клуб лакеев». Это придумал Кендалл, хотя и не всем им предстояло играть роль лакеев. В Лондоне, когда на Рисе подгоняли ливрею, он заявил, что намерен выступить в роли конюха. Сначала Кендалл воспротивился этой идее, но потом Белл сообщил, что намерен освоить навыки камердинера. Видимо, в этой должности маркиз мог гораздо ближе подобраться к тем гостям, что вызывали подозрение и требовали постоянного наблюдения.

Если Белл намерен играть роль камердинера, то Рис вполне может освоить роль конюха, неохотно согласился Кендалл. Кроме того, с их стороны было весьма великодушно доверить Рису продемонстрировать свои способности именно в том деле, в котором он действительно разбирался: лошади. А уж конюшни Клейтона славились на всю страну.

Насытившись по горло занудством миссис Котсуолд, Рис в конце концов не выдержал и просто сбежал в конюшни, к своему прямому начальнику, мистеру Херефорду, старшему конюху.

Рис, одетый в новенькую ливрею, бродил по конюшне с мешком в руке, куда затолкал свою одежду и несколько предметов первой необходимости, когда

мистер Херефорд его нашел.

– Мистер Уорти, полагаю?

– В данный момент – да, – усмехнулся Рис и пожал протянутую руку.

Старший конюх ему сразу понравился. Средних лет, с веселыми голубыми глазами и не сходящей с лица улыбкой, мистер Херефорд не был похож на зануду и вряд ли будет пилить его, как миссис Котсуолд. Определенно он не прогадал, выбрав местом службы конюшню.

– Надо думать, лорд Клейтон сообщил вам о моих намерениях? – спросил Рис.

Мистер Херефорд кивнул.

– И впрямь сказал, ваша светлость.

– Нет, так не пойдет. Я во время пребывания здесь мистер Уорти и не кто другой. Никаких «милордов», «ваших светлостей» и вообще упоминаний о титулах, пожалуйста.

– Конечно, конечно, ваша све... – Мистер Херефорд осекся и улыбнулся: – Мистер Уорти.

– Об этом особенно важно помнить, когда в конюшне появится кто-нибудь из гостей. И чтобы меня не узнали, я на всякий случай буду прятаться, так что не удивляйтесь.

– Ясно, – отозвался мистер Херефорд.

– Да, и еще я хочу, чтобы вы обращались со мной так же, как с другими конюхами. Я буду выполнять те же обязанности, что и остальные. Собственно, я на этом настаиваю.

– Да, мил... конечно, мистер Уорти.

Рис закинул мешок себе за спину.

– Я даже сундук с собой не привез: только этот мешок с несколькими вещами первой необходимости. Если вы любезно укажете мне место, где я буду спать, то отнесу его туда.

– Вы собираетесь спать тут, мило... мистер Уорти? – удивился старший конюх.

– Да, разумеется. А что, остальные грумы спят где-то в другом месте?

Мистер Херефорд показал на лестницу.

– Там, наверху. Полагаю, и для вас найдется свободный тюфяк.

– Благодарю вас, мистер Херефорд. Я тотчас же вернусь, и вы покажете, какие обязанности мне предстоит выполнять.

Старший конюх покачал головой и собрался было уйти, но прежде, чем Рис успел шагнуть к лестнице, обернулся и взглянул на него.

– Могу я задать вам еще один вопрос, ваша светлость... ой, простите, мистер Уорти?

– Конечно.

– Лорд Клейтон ничего не сказал, а мы все просто умираем от любопытства. Скажите, вам это зачем?

– Неужели не догадываетесь, мистер Херефорд? – хохотнул Рис. – Мы заключили пари. И ставки весьма велики.

Мистер Херефорд покачал головой и засмеялся.

– Ах вот как... Мог бы и догадаться.

– А теперь могу я задать вопрос вам? – сказал Рис.

– Конечно.

– Часто ли гости заходят в конюшню, когда у вас случаются приемы? Особенно дебютантки...

– Я бы не сказал, что часто. – Мистер Херерфорд постучал пальцем по подбородку. – Но всегда найдутся одна-две, что лошадей любят больше, чем чаепития и сплетни.

Рис кивнул и повернулся к лестнице. Да, он знал одну такую леди, но она, конечно же, на этом загородном приеме не появится.

По крайней мере, он чертовски надеялся на это.

Глава 2

Джулиана Монтгомери смотрела в сторону конюшни из окна своей спальни на третьем этаже имения виконта Клейтона. Их с сестрой Мэри поселили в одну комнату, а их мать – в соседнюю, смежную. Они прибыли на загородный прием сегодня рано утром, и мать решила, что им необходимо «отдохнуть», что бы это ни значило.

Джулиана никогда не любила подобное времяпрепровождение: скучно и неинтересно, – уж лучше покататься верхом. Девушка провела пальцами по холодному стеклу окна и скользнула взглядом поверх сада и луга вдаль, в конец имения лорда Клейтона, где располагались конюшни.

Конюшни Клейтона получили в обществе широкую известность.

Джулиана много слышала о них, и ей не терпелось поскорее выбраться из дома, чтобы увидеть все собственными глазами. Если верить слухам, то два его скакуна были потомками знаменитого Годольфина Арабиана. Существовал еще один-единственный известный ей аристократ, владевший потомком Годольфина: гнусный, ужасный, лживый герцог Уортингтон, известный также как Мерзавец.

Джулиана потрянула головой, отгоняя неприятные мысли: не стоил он их. Она так решила перед началом последнего и, увы, уже третьего своего сезона. При мысли, что именно Мерзавец виноват в ее неудаче во время этого сезона ее охватил гнев. Если бы этот презренный, лживый, лицемерный... Нет, стоп, хватит! Думать о нем даже в оскорбительном тоне – все равно означает думать, а он не стоит этого.

Так: что занимало ее мысли до того, как в них вторгся Мерзавец? Ах, да, о лошадях. Арабиан. В конце концов, это единственная причина, по которой она согласилась сопровождать матушку и Мэри в деревню на этот прием. Нет, не единственная: еще Мэри попросила ее помочь выбрать подходящую партию. Джулиане самой больше не надо думать ни о чем подобном, поскольку теперь она, слава богу, обручена с самым завидным джентльменом общества... ну ладно, не самым, а самый – все тот же никчемный герцог Уортингтон, прохвост, и мерзавец, и... Тьфу ты, господи, опять!

Второй завидный джентльмен – маркиз Беллингем, но его тоже можно не брать в расчет. Во-первых, он убежденный холостяк: никогда не выказывал ни малейшего интереса к браку, – а во-вторых, ходили слухи, что для него главное – работа в министерстве внутренних дел. Но даже если все это неправда, маркиз Беллингем – ближайший друг Мерзавца, и одно это делает его неприемлемым для Мэри да и Джулиана не хотела бы иметь ничего общего с этим гнусным типом.

Весь свой первый сезон она сохла по нему, а весь второй – он уделял ей знаки внимания. Все общество было убеждено, что помолвка между ними неминуема: об этом даже в газетах писали – в «Таймс» например. И когда герцог совершенно неожиданно чуть больше года назад, как раз перед окончанием второго сезона, уехал в деревню, это оказалось потрясением для всех, включая Джулиану. Он не только не сделал ей предложения, но и вообще исчез с ее горизонта.

Собственно, в последний раз он дал ей о себе знать через несколько месяцев после своего отъезда паршивым письмецом, в котором сообщал кое-какие подробности, касающиеся изменения его намерений, но ни словом не упомянул о том, когда они смогут увидеться.

Значительную часть первой половины своего третьего сезона она только тем и занималась, что проверяла списки гостей и разыскивала его в толпе на балах. И

только когда сезон уже подходил к концу, мать, благослови ее Господь, усадила ее рядом с собой и серьезно с ней поговорила. Именно в этом Джулиана и нуждалась. Ей предлагалось сделать наконец выбор: либо сидеть, как старая дева, и ждать, когда Уортингтон соизволит появиться, либо поступить как истинной Монтгомери: плюнуть на него и постараться сделать самую завидную партию.

«Он не достоин даже мыслей твоих, – сказала тогда мать, подарив Джулиане новое заклинание, которое она повторяла снова и снова в течение последующих недель. – Я уж не говорю о том, что из-за него ты только попусту тратишь время».

Может, той ночью Джулиана и легла в постель брошенкой, неслучившейся невестой герцога Уортингтона, но на следующее утро она проснулась полной решимости будущей невестой маркиза Мердока, очень богатого и обаятельного. И ничего страшного, что он не идет ни в какое сравнение с этим... Мерзавцем!

Джулиана приступила к достижению своей цели со всех энергией юности. Не прошло и трех четвертей сезона, как она сумела заинтересовать маркиза Мердока, и лишь немного пострадала от досады, когда в газетах появились намеки, что ей достался только второй завидный холостяк, а Уортингтона она упустила.

Конечно, это было досадно, но Мердок никогда ни о чем не упоминал, так что какая разница? Самое привлекательное во всем этом то, что теперь, будучи официально помолвленной (свадьба назначена на следующую весну), на этом загородном приеме Джулиана могла совершенно расслабиться и проводить время так, как захочется, то есть ездить верхом сколько вздумается.

О Мэри она, конечно, не забыла. После многообещающего первого сезона ее младшая сестра пока не получила предложения, но ситуацию еще можно исправить, если только взяться за дело с умом. Однако сначала главное.

Джулиана взглянула на сестру, мирно спавшую на своей кровати. Ее светлые волосы разметались по подушке. Да, Мэри всегда была послушной, и если мать велела отдыхать, так тому и быть. Сама матушка, вероятно, читает, а у Джулианы появилась идеальная возможность найти Арабианов. А присмотреться к подходящим джентльменам для Мэри у нее еще будет время позже –

возможно, этим же вечером за обедом. Несмотря на близкую дружбу с лордом Клейтоном, герцог Уортингтон никогда не принимал участие в его летних загородных приемах. Разумеется, прежде чем принять приглашение, Джулиана все выяснила. Надо думать, Мерзавца не интересовали приемы, где собираются дебютантки со своими маменьками. Вот и хорошо. Тем лучше для нее.

Джулиана оглянулась на полумрак спальни, и губы ее изогнулись в улыбке.

– Пойду-ка я схожу в конюшню, – прошептала она себе под нос. – Может, удастся раздобыть лошадку и покататься, пока не все гости приехали.

Глава 3

На лице Риса играла улыбка, когда он стоял в конюшне, протирая Алабастера после верховой прогулки. Прежде всего он купит новый фаэтон, потом, возможно, парочку одинаковых серых, чтобы запрягать в него. Новый гардероб тоже не помешает. И еще надо бы сделать кое-что в своем поместье в Кенте.

Да, право же, деньги, которые принесет Рису это пари, будут очень кстати, но гораздо приятнее сам факт выигрыша. Это он любил больше всего. Разумеется, он поведет себя великодушно: похвалит друзей за хорошо сыгранные роли, прежде чем потребовать с них все до последнего фартинга, – а потом отправится к Холлистеру, чтобы немного поразвлечься со своим выигрышем. Нельзя же разочаровывать сплетников.

Алабастер ударил копытом и заржал, и Рис, потрепав его по голове, негромко сказал ему на ухо несколько успокаивающих слов. Когда Клейтон сообщил Рису, что конюхи не ездят верхом на его лошадях, если только не возникает крайняя необходимость, он расстроился, но все же согласился. Но как можно, оказавшись рядом с одним из превосходных арабских жеребцов Клейтона, не проехаться на нем верхом? Если виконт не узнает, то и не станет переживать, верно же? На этот счет Рис уже достиг взаимопонимания со старшим конюхом.

Помогло еще и то, что он не стал скрывать от других конюхов, мальчишек-подручных и кучеров, кто он на самом деле. По условиям пари это допускается.

Главное, чтобы не знали гости, особенно мамы юных леди, а для этого достаточно не показываться им на глаза. Слава богу, они не жалуют конюшни. Он провел тут весь день, но не увидел ни единой барышни, хотя они прибывали в имение все утро.

Собственно, это совершенно безопасно. Дом хоть и полон жеманничающих дебютанток, но очень мало шансов на то, чтобы изнеженная, бдительно опекаемая юная леди случайно забрела в конюшню, да еще в одиночестве. Он поморщился. За всю свою жизнь он знал всего одну дамочку, которая могла бы так поступить, но в высшей степени маловероятно, что эта самая леди окажется здесь. В конце концов, она обручена и скоро выйдет замуж за маркиза Мердока. Ей больше не нужно тратить время на поиски мужа.

Рис стиснул зубы, как всегда, стоило о ней подумать. Надо признать, она неплохо о себе позаботилась. Раз уж не смогла стать герцогиней, то не растерялась и ухватила за маркиза, как сообщала «Таймс». Губы Риса презрительно изогнулись, в животе все сжалось, как всегда при одной лишь мысли, что едва не сделал предложение красивой, но коварной интриганке леди Джулиане Монтгомери.

Рис до сих пор испытывал отвращение к самому себе за то, что оказался полным идиотом и вообразил, будто влюблен в эту девицу.

Всю жизнь ему втолковывали, что никакой любви не существует, и в первую очередь отец. И все же, пока ухаживал за Джулианой все те месяцы, он испытывал чувства, о каких раньше даже понятия не имел.

Хорошо, что ему как раз тогда, когда собирался делать ей предложение, пришлось уехать по неотложному делу. А после того случая, когда было уже совсем поздно, камердинер прочитал ему ту роковую статейку в «Таймс» про восхитительную леди Джулиану Монтгомери, которой пришлось благосклонно отнестись к ухаживаниям Мердока, раз уж герцог Уортингтон ускользнул из ее рук.

В тот день Рис настолько утратил самообладание, что его едва не вывернуло в таз для умывания. Потребовалось несколько минут, чтобы взять себя в руки. Леди Джулиана всего лишь блестящая актриса, и ничего больше, а его собственное желание проявить благородство и хотя бы раз в жизни поступить

правильно – желание, которое, как это ни парадоксально, пробудила в нем она, – не позволила ему сделать ей предложение той весной прямо перед отъездом.

А потом о предложении уже не могло быть и речи. Точнее, не могло до недавнего времени, но она оказала ему услугу: взяла и обручилась с другим. Что ж, пусть эту актрису получит Мердок, а он с удовольствием продолжит жизнь холостяка.

– Да, миледи, – послышался от входа голос мистера Херефорда. – Один из арабских жеребцов сейчас как раз здесь. Я уверен: наш новый конюх, мистер Уорти, с радостью вам его покажет.

Рис в последний раз провел щеткой по крупу коня и улыбнулся. Мистер Херефорд наверняка специально повысил голос, чтобы Рис услышал: в конюшню заглянула одна из юных леди, прибывших на загородный прием, – и пришло время для его первого представления. Он только надеялся, что ее дуэнья, кем бы она ни была, не узнает его. Впрочем, в любом случае он умеет притворяться не хуже Кендалла и Белла.

Рис откашлялся, расправил плечи, изобразил одну из самых своих обаятельных и лукавых улыбок, от которой барышня наверняка придет в восторг, обошел коня, собираясь выйти из денника ей навстречу, но едва увидел кому, обаяние и лукавство будто стерли с его лица. В изумрудно-зеленой амазонке и темно-коричневых кожаных сапожках она неторопливо шла в его сторону, похлопывая по голенищу хлыстом. Какого дьявола здесь делает леди Джулиана Монтгомери? Она же не дебютантка!

Глава 4

Джулиана остановилась, когда конюх направил в ее сторону арабского жеребца.

– Вот он, – возвестил мистер Херефорд. – Алабастер.

Джулиана обвела коня взглядом: высокая холка, элегантная спина, крутые бока, прекрасные сильные ноги, восхитительные копыта и воскликнула, прижав руки к

груди:

– Он великолепен!

– Да, конь неплохой, – слышался чей-то голос: надменный, глубокий и очень знакомый.

Джулиана прищурилась. Правильно ли она расслышала? Конюх не может так дерзко говорить.

Она почувствовала, как по телу побежали мурашки, и с трудом сглотнула, вспомнив, чей это голос. Какого дьявола тут делает он?

Джулиана судорожно вздохнула, пытаясь взять себя в руки, и в этот момент миг из-за крупа коня появился Рис Шеффилд, отвесив низкий поклон.

– Миледи...

Джулиана растерянno таращилась на него, ничего не понимая. Что это значит? Почему, скажите на милость, он одет как... как конюх? Она склонила голову набок, прищурилась, но ничего не изменилось. Может, один из них сошел с ума?

– Леди Джулиана, – вмешался в их молчаливый диалог старший конюх, – это Алабастер, а присматривает за ним наш новый помощник, мистер Уорти.

Джулиана уже открыла рот, намереваясь указать на нелепость происходящего, но Рис опередил ее:

– Я к вашим услугам, миледи. Готов исполнить любое ваше пожелание.

От того, как он выделил слово «любое», у Джулианы перехватило дыхание, а по спине поползли мурашки. (Осмелится ли она признаться себе, что даже голос его возбуждал?) Джулиана закрыла рот, повернулась назад, к старшему конюху, и всмотрелась в его лицо, но там не было и следа иронии. И что все это значит?

Здесь что-то не так, но если чутье ее не подводит, перед ней открывается бесценная возможность обращаться с герцогом Уортингтоном как с прислугой.

Джулиана, скрестив на груди руки, прищурилась и осмотрела его с ног до головы. Будь он проклят! Выглядит так же шикарно, как в последний раз, когда они виделись, а возможно, даже лучше благодаря легкому вкраплению седины в черных волосах и нескольким новым морщинкам в уголках глаз. Все такой же подтянутый, высокий и... неотразимый, черт его возьми!

Но что он задумал? Что ж, она ему подыграет.

Не в силах сдержать широкую улыбку, Джулиана поднесла руку ковшиком к уху, словно не расслышала его слов:

– Что вы сказали, любезный? Что-то насчет моих желаний?

Посмотрев ему прямо в глаза, она надеялась, что сумела вложить в свой взгляд сразу два послания: «Я над тобой поиздеваюсь», и: «Я намерена получить от этого удовольствие».

Он поклонился, и от низкого тембра его голоса внутри у нее все вздрогнуло, как когда-то.

– Готов исполнить любое ваше пожелание, миледи.

Он выпрямился, и она опять заметила в его глазах искорки. О боже! Даже самую простую фразу он сумел произнести так, что она прозвучала по-настоящему непристойно.

Да, он точно что-то замышляет. Только что?

Будь он проклят! Все такой же дерзкий, и заносчивый, и самоуверенный: в точности такой же, каким был раньше. Ну как она могла считать его привлекательным? Ладно, хорошо, он, безусловно, обладает приятной внешностью, но манеры его оставляют желать много лучшего, и ей никогда не попадались такие эгоисты, как он: никого в этой жизни он не любил больше, чем себя.

Мерзавец!

Неплохо бы залепить ему пощечину, чтобы стереть ухмылку с этого красивого лица, но так она даст ему понять, что ей не все равно, а ей решительно все равно. Больше он ее не волнует. Она нашла себе новую партию, лучшую, пусть и не герцога, но зато человека надежного и верного. И главное – совершенно непохожего на Риса Шеффилда.

Прежде чем Джулиана успела хоть что-то ответить, старший конюх ушел, оставив ее рядом с великолепным конем и (будь оно все проклято!) с самым привлекательным мужчиной на свете. В первый раз за год три месяца две недели и четыре дня она оказалась наедине с герцогом Уортингтоном.

Глава 5

Решение нужно было принимать срочно: или скрыться и тем самым в первый же день рискнуть проиграть пари (а это моветон!), или положиться на судьбу, понадеявшись, что Джулиана ему подыграет и даст шанс на победу (а он всегда предпочитал побороться).

Сначала имелась крошечная надежда, что Джулиана его не узнает, но она не оправдалась: она прекрасно помнила его голос, не говоря уж о внешности. То, что именно она заявила в конюшню как раз неудивительно: эта леди разбирается в лошадях.

Рис медленно обвел ее взглядом: с носков коричневых кожаных сапожек для верховой езды до изумрудного цвета бархатной шляпки, подчеркивавшей восхитительный оттенок ее светло-зеленых глаз, в которых он однажды утонул, в которых когда-то видел свое будущее.

Прошедший год не лишил ее и доли красоты. Она оставалась такой же прелестной, как и раньше: дерзкий носик, темно-розовые губки и длинные ресницы. Все такая же высокая, гибкая, белокурая – настоящее произведение искусства, жаль только, что с алчным сердцем золотоискателя. Взгляд на нее причинил ему физическую боль, как удар под дых. Рис сквозь зубы втянул воздух, а затем изобразил на лице самую обезоруживающую улыбку. В конце концов, почему бы не быть обаятельным, как всегда? Если не пустить свое знаменитое обаяние в ход, ей, упаси бог, может показаться, что ему есть до нее

дело.

Возможно, она его ненавидит: и не без причины, – но это чувство у них взаимно, однако нет абсолютно никаких оснований не вести себя с ней любезно, в особенности сейчас, когда она оказалась хозяйкой положения. У нее в руках ключ к результату пари, а он не может позволить себе проиграть.

От размышлений его отвлек ее тихий голос:

– Прошло уже немало времени, Рис, но я могу поклясться, что, когда мы виделись в последний раз, вы были герцогом. – Она надменно вздернула подбородок. – Каким образом все так изменилось?

– Я тоже могу поклясться, что, когда мы виделись в последний раз, передо мной тоже была совершенно другая леди. Или мне это только казалось?

Ее глаза вспыхнули гневом.

– И что это значит?

Он мгновенно сообразил, что совершил ошибку. Проклятье! Необходимо держать себя в руках и не допускать проявления эмоций.

– Ничего, не берите в голову.

– Так значит, теперь вы конюх? – очаровательно похлопав ресницами, уточнила Джулиана.

Рис прикусил губу, чтобы не выпалить: «Да, а вы все так же вероломны?» и вместо этого сказал:

– Да, временно.

– Не хотите объяснить причину? Вы опять во что-то играете?

– Разумеется, миледи, в свое время вы все узнаете, но сейчас, если вы не против, я бы предпочел уйти куда-нибудь подальше от конюшни, чтобы мы смогли поговорить наедине.

Она настороженно взглянула на него, потом кивнула:

– Да, мне бы хотелось проехаться на Алабастере.

– Конечно, как скажете, но вам придется подождать: мне нужно его оседлать.

Рис завел жеребца обратно в денник и провел там несколько минут, укладывая ему на спину чепрак и затягивая подпругу. Ему не требовались указания мистера Херефорда, как правильно седлать лошадь: пусть он и герцог, но во всем, что связано с уходом за лошадьми, разбирается отлично.

Может, он не умеет почистить костюм, как его камердинер, и не знает, куда правильно поставить тарелку, как его лакеи, зато он чертовски хорошо знает, что делать в конюшне. Это помещение в отцовском загородном имении было в детстве его любимым убежищем, и до сих пор таковым оставалось, когда он приезжал в родовое поместье.

Рис затягивал подпругу на животе Алабастера, но его отвлекали мысли о Джулиане. Что, черт ее побери, она тут делает? И почему Клейтон не счел нужным сообщить ему, что она здесь? Это не просто упущение, это подстава: он непременно скажет ему пару ласковых, когда увидит.

Рис проверил, надежно ли затянута подпруга дамского седла, и вывел коня из денника.

– Матушка тоже здесь, с вами? – лениво протянул он самым безучастным тоном, какой только смог изобразить.

– Да, и Мэри. Они отдыхают, а я улизнала.

– Ну и правильно сделали.

Как можно ее за это осуждать? Именно независимость суждений и поступков (среди много другого) ему так нравилась, когда он за ней ухаживал. Она не относилась к тем занудным и стеснительным юным барышням, которые могли часами сидеть за чаем или вышиванием, вместо того чтобы улизнуть и заняться чем-нибудь куда более интересным. И нет, они никогда не занимались ничем неподобающим... ну, кроме того случая в его кабинете. Это не привело ни к каким скандальным последствиям, и оба они даже оставались полностью одетыми. Ну, почти...

Рис подошел к Алабастеру сбоку, чтобы помочь Джулиане взобраться в седло, низко наклонился и сплел пальцы, сделав подобие ступеньки. Она без колебаний поставила на его руки ногу и одним быстрым плавным движением опустилась в седло, перекинув через рожок другую. Она всегда была отличной наездницей, неохотно признал Рис, и это его тоже привлекало в ней.

Помогая ей сесть в седло, он уловил аромат ее духов и от пробудившегося воспоминания о запахе сирени стиснул зубы. Когда-то этот аромат безумно возбуждал его, но сейчас почему-то разозлил.

Спустя несколько минут он сел на другого коня, куда менее презентабельного мерина из конюшни Клейтона, и жестом предложил леди первой выехать из конюшни.

Вид сзади впечатлял: несравненная леди на несравненном коне сидела безупречно прямо, и, надо признать, они смотрелись великолепной парой. А тем временем сам Рис напрягал мозги, пытаясь придумать, что ей сказать и как объяснить, почему вырядился конюхом. Разумеется, он предложит ей денег за молчание: возьмет из своего выигрыша, – но, вне всяких сомнений, она станет допытываться, какова цель его лицедейства на сей раз, так что ему лучше заранее подготовить правдоподобные ответы.

– Вы не против прокатиться вон до тех деревьев? – предложил он, как только амбар и забор остались позади.

Чем дальше от конюшни, тем меньше шансов, что их кто-нибудь услышит. Разумеется, ей не следовало выезжать с ним, без дуэньи, но он же не герцог, который ухаживает за юной леди, а всего лишь конюх и в его обязанности входит сопровождать гостей во время верховых прогулок.

Джулиана, оглянувшись, кинула на него взгляд, полный недоверия.

– Мы все время будем на виду, – объяснил он, чтобы развеять ее сомнения.

– Ладно. Встретимся там.

Она пригнулась, ударила пяткой, и великолепный арабский жеребец рванул вперед.

Рис не сразу сообразил, что она бросила ему вызов и подстегнул своего мерина, чтобы догнать ее. Мало того что она отличная наездница, ей всегда нравилось состязаться – Рис это хорошо помнил и просто обожал. Он и сам очень любил всякие пари, поэтому с Джулианой никогда не было скучно, не то что с другими пассиями.

Что бы они ни делали: играли ли в карты, пускали «блинчики» в пруду в Гайд-парке или устраивали верховые скачки, – Джулиана всегда выкладывалась по полной и никогда не пыталась выторговать снисхождение, прикрываясь своим полом. Пару раз она даже умудрилась выиграть у него, и это, пожалуй, возбуждало сильнее всего: женщина, которая никогда не сдается, которая любит состязаться не меньше, чем он, и которая никогда не играла в «поддавки», потакая его мужскому началу. Он никогда не встречал девушек, похожих на нее, и только потом, когда узнал, что ее интересует только его титул, понял, что все это время она просто притворялась. Неужели и сейчас, как и он, она играет какую-то роль? Теперь-то ей это зачем?

Пока мчался вслед за ней галопом к деревьям, Рис не мог не восхищаться ею. Она скакала уверенно и отлично управлялась с поводьями. Такой стиль говорил о долгих годах тренировок. Когда-то лошади были их самой любимой темой для разговоров.

Будь оно все проклято! Почему он все время думает о том, что было когда-то? Да, было, но быльем поросло, кануло в Лету. Для него она больше ничего не значит, и он чертовски хорошо знает, что он для нее вообще никогда ничего не значил. Так почему в голову лезут воспоминания?

Черт, она точно побьет его в этой скачке. Хоть ему и удалось значительно сократить расстояние, у нее куда более мощный конь. Конечно, менее опытный

наездник все равно проиграл бы ему, но тут Рису пришлось признать, что выигрыш у нее заслуженный.

– Я выиграла! – объявила Джулиана, как только пустила Алабастера медленной рысью вдоль изгороди, протянувшейся перед деревьями.

– Что именно?

Ну какой дьявол подтолкнул его спросить! Опять сболтнул лишнее.

– Скачку, – заявила она с самодовольным видом.

– О, так мы состязались? – как можно равнодушнее констатировал Рис.

– Не делайте вид, что вы этого не знали, – лукаво усмехнулась Джулиана.

Ах как хорошо он помнил эту усмешку!

– Ну хорошо, пусть так. Вы победили. Какова цена пари?

Опять вмешался дьявол, подлый ублюдок! Какого черта?..

Конь остановился. Джулиана спешила, опираясь на столбы изгороди, и медленно повела животное дальше, поглаживая по боку и что-то ласково приговаривая. Рис тоже спешил, привязал обоих коней к одному из столбиков изгороди и повернулся к спутнице.

В ее зеленых глазах сверкнули искорки смеха и, кажется, гордости.

– Думаю, расплатой будет рассказ, почему вы на сей раз решили освоить профессию конюха: в роли лакея вы уже выступали.

Рис откинул с лица волосы. Похоже, выбор у него невелик: либо продолжать врать, либо рассказать правду. Джулиана умна и проницательна, поэтому пытаться убедить ее поверить в байку – понапрасну терять время: проще убедить помочь ему, объяснив, в чем дело.

– Если вы готовы сохранить все в тайне...

Ну вот, предупредительный выстрел сделан.

Она наморщила лоб.

– Так ваше лицедейство – тайна?

– По крайней мере для гостей.

– А кучера, слуги, горничные, экономка наконец?

– Знают все, с кем приходится пересекаться.

Она скрестила руки на груди и прищурилась.

– Никогда не поверю, чтобы лорд Клейтон не знал.

– Разумеется, он в курсе, – ответил Рис, склонив голову набок.

– Тогда от кого же из гостей вы пытаетесь это скрыть? Очередная авантюра? Что вы задумали на сей раз?

Он вздохнул.

– Это не моя тайна. Могу лишь сказать, что, если вы мне подыграете, это окупится сторицей.

– Окупится сторицей? – Она прищурилась и сделала шаг в его сторону. – Должна признать, мне просто не терпится узнать, что такое, по-вашему, «окупится сторицей».

Стараясь не выдать заинтересованности в исходе дела, он прислонился к дереву и пожал плечами:

– Деньги, разумеется.

Она громко рассмеялась, всплеснув руками.

– Вы собираетесь заплатить мне за молчание?

– А почему нет?

Она протянула между пальцами хлыст.

– Я не сказала «нет», но все же хотелось бы узнать: вы и остальным тоже заплатили?

Рис невольно усмехнулся.

– Нет, они обещали хранить тайну в знак уважения к своему хозяину, Клейтону.

– Прекрасно! Но почему именно конюх? – сладким голосом спросила она, легонько похлопывая хлыстом по обтянутой перчаткой ладони.

– Разве это так уж важно?

Джулиана пожала плечами.

– Может, и нет, но вы просите о помощи, поэтому мне кажется, что я имею право знать.

Он положил руку на столбик изгороди.

– Сколько вы хотите?

Это прозвучало намного резче, чем ему хотелось бы, и она выгнула бровь.

– А сколько вы готовы заплатить?

– Да бросьте жеманничать, Джулиана, это вам не идет. Сколько нужно, чтобы вы держали язык за зубами и делали вид, что никогда раньше меня не видели, что

я конюх по имени Уорти?

Она вернулась к Алабастеру и погладила по боку.

– То есть вы говорите серьезно, так?

Рис с силой взмахнул рукой.

– Конечно, более чем.

Будь оно все проклято! Она сумела его разозлить. Опять. Нужно успокоиться, восстановить дыхание.

Она повернулась к нему и с усмешкой спросила:

– Вы и правда считаете, что можете заплатить мне за молчание?

– Неужели вы готовы что-то предпочесть деньгам? – упершись руками в бока, протянул Рис. Его терпение заканчивалось.

Безупречные губы изогнулись в лукавой усмешке.

– О да, безусловно.

Глава 6

Тем вечером за обеденным столом Джулиана сидела между своей матерью и сестрой и не могла думать ни о чем, кроме разговора с Уортингтоном. Если бы неделю назад кто-нибудь сказал ей, что сегодня у нее состоится совершенно безумная встреча не с кем иным, как с Рисом Шеффилдом, она бы вряд ли в это поверила.

Полностью потеряв аппетит, Джулиана гоняла по тарелке кусок запеченного гуся и ломала голову над тем, что задумал этот дьявол Уортингтон, обрядившись

конюхом. И у него еще хватило наглости предложить ей денег! Она едва опять не расхохоталась. Как будто ей нужны его деньги! Вот уж нет, в деньгах она не нуждалась, как и вообще ни в чем: у нее состоятельный отец и богатый жених. Нет, от Риса Шеффилда ей не нужны деньги, она намерена отомстить.

Конечно ему об этом знать не обязательно. Она же не безмозглая курица, чтобы выкладывать все карты на стол. Она обещала сохранить его тайну, если признается, почему вырядился конюхом. И ясно дала понять, что ее удовлетворит только абсолютная правда. Джулиана нисколько не сомневалась, что сразу поймет, если он попытается солгать.

Это ему, конечно, не особенно понравилось, и за молчание он готов платить, но она лишь сильнее заинтересовалась. Что деньги? Пшик... А отомстить мужчине, разбившему ее сердце на тысячи мелких осколков, что может быть слаще? И если удастся узнать, зачем он прикидывается слугой, она сможет сорвать его замысел. Это и будет месть, которой ей так долго пришлось ждать.

Джулиана рассеянно смотрела на портрет леди Клейтон, висевший в столовой над камином, а мысли ее уже были в далеком прошлом, когда она в последний раз видела Риса.

Была не по сезону холодная майская ночь, когда на балу у Кранберри она тайком выбралась на веранду, чтобы встретиться там с Рисом. На ней было лиловое платье с завышенной талией и с расшитыми крохотными цветочками рукавами и подолом. Встретиться с ним попросил ее Рис, когда они танцевали, и тот час, пока ей пришлось ждать, показался ей годом.

Она выскочила наружу, на холод, задыхаясь от предвкушения. Рис стоял возле балюстрады, засунув руку в карман жилета. На нем был черный великолепный вечерний костюм и белоснежный галстук. Черные волосы зачесаны назад, темно-синие глаза поблескивали в лунном свете. Он выглядел таким красавцем, что ей захотелось кинуться в его объятия, но все же она заставила себя замедлить шаг и подойти к нему грациозно, как и подобает леди. К счастью, рядом больше никого не было.

– Рис... – выдохнула она, когда он взял ее за руки и притянул к себе.

– Джулиана... – произнес он, по-хозяйски положив руку ей на бедро.

Они начали называть друг друга по именам с того самого вечера, когда она во время обеденного приема прокралась в его кабинет, а он нашел ее там. Тем вечером она бросилась ему в объятия, и Рису пришлось отстраниться, пока дело не зашло слишком далеко.

– Я рад, что смог увидаться с тобой до того, как уеду, – выдохнул он.

Джулиана нахмурилась.

– Уедешь?

Она помотала головой. Куда он едет? Зачем?

– Да, к сожалению, завтра я должен уехать в загородное имение... Нужно навестить мать.

Он убрал руку с бедра, к ее великому разочарованию.

– Понятно, – отозвалась Джулиана. Она расстроилась, но попыталась себя убедить, что он уезжает, конечно же, ненадолго.

– Постараюсь вернуться как можно скорее, – пообещал он, глядя ей в глаза.

Она открыла свой маленький лиловый атласный ридикюль, достала носовой платок, сбрызнутый туалетной водой с ароматом сирени, которую использовала как духи, и протянула ему.

– Возьми это, на память обо мне.

Он взял из ее руки клочок ткани, поднес к лицу, а затем убрал в карман сюртука.

– Джулиана, милая моя Джулиана, разве могу я тебя забыть?..

Это были его последние слова. Он прикоснулся к ее щеке и всмотрелся в лицо, словно хотел запомнить, а через несколько секунд ушел, оставив Джулиану одну на балконе.

Она даже не догадывалась, что он и не собирался возвращаться. Позволил ей, как последней дуре, поверить ему, даже платок носовой взял, как будто собирался хранить на память. Господи, какой же он подлец, негодяй, одно слово – мерзавец.

Прошла неделя, потом еще одна, и еще... Она старалась изо всех сил держаться беззаботно, на людях выглядеть счастливой, но чем дольше он не возвращался, тем сложнее становилось притворяться.

И наконец, когда уже и сезон закончился, и вся их семья отправилась в загородное имение, Джулиана получила от Уортингтона письмо, содержание которого совершенно не соответствовало его словам во время их последней встречи.

Он написал, что их знакомство было не больше, чем знакомством, и она это понимает. Вранье, от первого до последнего слова: оскорбительное вранье, – но она поклялась, что никогда никому не покажет, как ей больно.

Ну и ладно, думала Джулиана тогда. Может, она увидит его в следующем сезоне, на каком-нибудь светском приеме, но он не вернулся, вообще исчез. Они больше не виделись до этой самой неожиданной встречи в конюшне Клейтона.

Да, герцог Уортингтон ранил ее очень глубоко, и она намеревалась причинить ему такую же боль. Если она сумеет выяснить, почему он представляется конюхом, то станет хозяйкой положения и сможет это использовать – обязательно использует! – к своей выгоде. Он явно намерен и дальше лицедействовать, и она уже придумала по меньшей мере с полдюжины способов доводить его.

Что может быть лучше мести, которая ее еще и развлечет?

Днем их разговор прервал один из конюхов: прискакал сообщить, что еще какой-то гость пожелал посмотреть на Алабастера, но Рис сумел шепнуть ей, чтобы завтра зашла в конюшню в то же время, и он даст ей ответ, готов ли сказать

правду об игре, которую ведет. С точки зрения Джулианы, у него нет выбора: деньги не смогут ее поколебать, только правда.

Она окинула взглядом столовую. Здесь полно гостей, все веселы, оживленно беседуют, но она почему-то почувствовала себя одинокой. Где сейчас Рис? Там, в конюшне? Неужели спит на стог сена? Она чуть не фыркнула при этой мысли. Уж наверное он там не ночует. Или ночует? Надо полагать, это зависит от того, что он задумал. Джулиана надеялась, что, где бы он ни находился, ему сейчас неспокойно, а заставила его нервничать именно она. В конце концов, что посеешь, то и пожнешь.

Мэри что-то ей сказала, Джулиана не расслышала, но все же постаралась улыбнуться и кивнула, затем обвела взглядом юных леди за столом. Все они явились сюда с одной целью – присмотреть достойную кандидатуру в мужа. От нее не ускользнуло, что в список гостей входят юные барышни, дебютировавшие в только что закончившемся сезоне, но еще ни с кем не помолвленные, и, конечно, одна из них – ее дорогая Мэри.

Еще от внимания Джулианы не ускользнуло, что в списке гостей катастрофически не хватает подходящих для брака джентльменов. Учитывая это обстоятельство и тот факт, что один из самых скандальных герцогов нации шатается вокруг конюшен, вырядившись конюхом, Джулиана не сомневалась, что это не заурядный загородный прием, что он имеет вполне определенную цель.

Разглядывая сидящих за столом, Джулиана остановилась на мисс Фрэнсис Уортон. Она уже встречалась с этой молодой женщиной на таком же загородном приеме прошедшего сезона, но поговорить им толком не удалось. Несчастной леди было явно скучно до слез слушать сэра Реджинальда Фрэнсиса, который занудно рассказывал о своей дружбе с принцем-регентом. Ради блага мисс Уортон Джулиана надеялась, что этот джентльмен не собирается делать девушке предложение.

Если не считать соседства с этим занудой, Джулиана даже слегка позавидовала мисс Уортон. Как, наверное, здорово быть обычной молодой женщиной! Их с Мэри воспитали какими угодно, только не обычными. С самого дня своего рождения (ну или с того момента, как она себя помнила) Джулиане, по словам матери, было предназначено стать гранд-дамой.

Для дочери герцога это означало заключить выгодный брак с самым завидным партнером, какой только возможен. Наверное, очень легко быть мисс Уортон, просто привлекательной девушкой из обычной семьи, а не несравненной Джулианой (как она ненавидела это слово!) с огромным приданым и связями с самыми влиятельными людьми.

Джулиана вздохнула. У нее никогда не было возможности просто поговорить с джентльменом и самой решить, нравится ли ей его общество. Боже упаси! Нет, ей указывали, кого следует постараться увлечь своей внешностью и манерами. Ей всю жизнь все вокруг только и говорили, какая она красавица, и думали, что ее заботит лишь одно: подцепить самого богатого влиятельного жениха.

И когда она познакомилась с Рисом, он как раз и был самым завидным кандидатом в женихи: влиятельный, титулованный и чертовски привлекательный. Кроме того, ей нравилось его общество, с ним никогда не было скучно. На какой-то короткий, но восхитительный отрезок времени она поверила, что не просто выполняет свой долг, но еще и нашла любовь. Вот идиотка! Влюбилась, в то время как он просто играл с ней. Похоже, он играет так с дебютантками постоянно, и его не волнует, что это жестоко.

Джулиане надоело притворяться, что она голодна, перестала гонять по тарелке кусок гусятины и положила вилку с ножом. Отсутствие аппетита не имело никакого отношения к сотрапезникам, а объяснялось волнением по поводу предстоящей встречи с Уортингтоном, хотя она и не сомневалась, что на сей раз победа будет за ней.

Она позволила лакею забрать тарелку с так и не тронутой едой, и губы ее изогнулись в улыбке. Лакей как раз поднимал тарелку, когда Джулиана подняла глаза.

Минуточку! Это что, граф Кендалл решил подработать лакеем?

Придет или нет? Рис сапогом пнул землю у забора и едва ли не в сотый раз принялся шагать взад-вперед. Если и придет, то явно испытывает его терпение. Мог бы сразу сообразить, что доверять Джулиане Монтгомери нельзя. Насколько он ее знает, как раз сейчас она там, в доме, развлекает остальных юных барышень свежей скандальной сплетней о герцоге Уортингтоне, который, изображая конюха, работает в хозяйской конюшне.

Так толком и не уснув, утром Рис поговорил с Клейтоном в библиотеке. Все четверо друзей встретились там, чтобы обсудить свой первый день в качестве слуг. Клейтон неуклюже извинился: до последней минуты он не знал, что герцогиня Монтлейк привезет с собой не только младшую дочь Мэри, но и Джулиану: ее даже в список внести не успели.

Продолжая расхаживать, Рис с такой силой лупил себя перчатками по ноге, что почти не сомневался – останется синяк.

Черт побери! Если она не явится, ему придется признать перед друзьями, что пари он проиграл.

Повернувшись в очередной раз, он наконец услышал стук лошадиных копыт и увидел Джулиану: во весь опор она скакала в его сторону, раскрасневшаяся с широкой улыбкой на земле. Все еще сжимая в кулаке перчатки, Рис скрестил на груди руки и хмуро уставился на нее. Ей наверняка не терпится похвастаться, что она уже все всем рассказала.

Она резко остановилась возле него, быстро и легко спешила и бросила ему поводья.

– Вы же конюх, верно? – уточнила Джулиана с лукавой усмешкой, заметив его удивленный взгляд.

Рис привязал лошадь к забору рядом со своим конем и спросил:

– Ну?

– «Ну»? – Она в недоумении уставилась на него. – Мне казалось, я еду сюда услышать, что вы решили.

Рис нахмурился.

– Решил что?

Она поджала губы.

– Ой, да ладно! Конечно, вы старше меня, но не настолько, чтобы потерять память. Вчера вы сказали, что должны решить, говорить мне правду или нет.

– Похоже, у меня нет выбора: придется открыть вам правду, раз денег не хотите. Может, передумали?

Вроде бы еще шире улыбнуться невозможно, но ей это удалось.

– Нет, не передумала. Деньги мне не нужны, а вот узнать, почему вы обрядились конюхом и поселились в конюшне Клейтона очень хочется.

– Проклятье! Разве нет такой суммы, которая могла бы вас убедить?

Она натянуто усмехнулась.

– Нет, купить меня вы не сможете, герцог Уортингтон, – твердо заявила Джулиана.

Рис выругался себе под нос.

– Ладно, я расскажу, но вы должны пообещать – нет, поклясться, – что никто из гостей, включая ваших мать и сестру, ничего не узнает.

– Обещаю, – с улыбкой сказала Джулиана.

Конечно, не особо он ей доверял, но выбора не было.

– Дело в том, что я заключил с друзьями пари.

Ее брови взлетели вверх.

– Вот как? – Она покачала головой. – Могла бы и сама догадаться.

– Но денег требовать уже слишком поздно. – Взгляд его сочился сарказмом.

Джулиана закатила глаза.

– И с кем вы заключили пари?

– С Клейтоном, Кендаллом и Беллом.

– С Кендаллом, вот как? – уголки ее губ чуть дрогнули в намеке на усмешку.

Рис почесал затылок.

– Вообще идея ему как раз и принадлежала.

Глаза Джулианы заблестели.

– Так вот почему он вчера вечером расхаживал вокруг обеденного стола в ливрее лакея?

– Вы что, его видели?

– Конечно, видела, я же не слепая, но хотелось бы знать, что вы задумали.

Рис покачал головой и внимательно посмотрел на нее, пытаясь понять, не лжет ли она.

– Вы что-нибудь сказали ему?

Джулиана скрестила на груди руки.

– Разумеется, нет. Мне не интересно узнать, почему вы двое решили прикинуться слугами.

– Не двое, трое, – поправил ее Рис, решив ей все рассказать: она и так много знает.

– Беллингом тоже? – Она выгнула бровь.

– Да. Он приставлен камердинером к лорду Копперпоту.

– Ах вот как? Ну что ж, замечательно! И что же вы задумали?

Рис откинул волосы назад.

– Если уж вам так нужно знать, мы все поставили изрядную сумму на то, что сможем сойти за слуг в течение всего этого загородного приема.

– Две недели? – выдохнула Джулиана. – Великая цель, ничего не скажешь.

– Возможно.

– Имеется в виду, чтобы вас не узнали? – уточнила она.

Он кивнул.

– Да, это часть пари.

– А что еще? – прищурившись, спросила Джулиана.

– Мы должны быть настолько убедительны, чтобы гости ничего даже не заподозрили.

Она плотно сжала губы.

– Но вы же еще не проиграли, несмотря на то что рассказали мне?

– Верно. Мы предполагали, что можем здесь встретить знакомых, которым нам придется признаться.

Она определенно пришла в восторг.

– Значит, я первая?

– Насколько мне известно. И надеюсь, последняя, – почти прорычал Рис.

– Ой, да бросьте вы! Неужели действительно думаете, будто сможете сойти за слуг и вас никто не узнает?

Он не ответил, и она, немного помолчав, сказала:

– Кажется, я догадалась: эта безумная идея пришла вам в голову во время пьянки.

Недовольное выражение его лица сказало, что она права, и Джулиана рассмеялась.

– Я не ошиблась, верно? Вы напились и придумали эту эскападу. Но как вам удалось убедить Клейтона и его жену?

Рис ущипнул себя за переносицу. О господи! Как он умудрился оказаться в таком положении?

– Клейтон был с нами. А как он уговорил Теодору, я остаюсь в блаженном неведении.

– И вы все в этом участвуете? – спросила она.

– Ну, кроме Клейтона, конечно: он же хозяин.

Джулиана покачала головой.

– Как вы только могли подумать, что все получится? Кендалл стоял посреди столовой у всех на виду!

Рис склонил голову набок.

– Кто-нибудь еще его узнал?

– Я не заметила, хотя то и дело смотрела по сторонам.

– Именно так Беллингем и сказал: на прислугу редко обращают внимание.

Джулиана некоторое время молча обдумывала его слова, наконец призналась:

– Я заметила вас сразу же.

Ему показалось, или ее голос дрогнул?

– Я просто очень приметный, – без тени раскаяния ухмыльнулся Рис.

– А еще по-прежнему очень самонадеянный.

– Я бы предпочел слово «самоуверенный». И говорю это совершенно серьезно. Клейтон потому и засунул меня в конюшню, чтобы поменьше бросался в глаза.

– Думаю, есть еще одна причина засунуть вас в конюшню. Просто он совершенно уверен, что вы не способны выполнять обязанности лакея или камердинера, так?

Рис прищурился. Какие бы чувства ни вызвала в нем Джулиана, в проницательности ей не откажешь: почти обо всем догадалась, причем в подробностях. Оставалось только надеяться, что ей можно доверять, по крайней мере в этом деле.

Она постучала по щеке концом хлыста.

– Теперь список гостей обрел смысл. Большинство – дебютантки и их мамы. Надо полагать, вы надеялись, что мало кто из них вас знает.

– Вот именно.

– Я думаю, вы просто ненормальные. – Она направилась к своей лошадке. – А еще я уверена, что у вас нет ни малейшего шанса остаться неузнанными.

Рис с силой выдохнул.

– Даже если и так, я рассказал вам правду. Вы сдержите обещание сохранить все в тайне?

– Я уже сказала. – Джулиана, воспользовавшись столбиком забора, легко села в седло.

Рис с облегчением выдохнул и на мгновение расслабился. Похоже, легко отделался. Она пообещала сохранить тайну, и значит, выигрыш целиком останется у него. Только вот можно ли надеяться, что в ней все же имеется капля порядочности?

Джулиана взялась за поводья и повернула лошадь так, чтобы оказаться к Рису лицом.

– Я пообещала сохранить тайну, но не говорила, что не стану над вами подшучивать и наблюдать, как вы справляетесь со своими обязанностями.

Глава 8

Джулиана уже развлекалась вовсю, хотя веселье только началось. После того как Рис сопровождал ее обратно в конюшню, она принялась изводить его множеством разных поручений.

– Вайолет нужно как следует почистить, – заявила она первым делом, указав на лошадь, которую привезла с собой.

– Как пожелаете, миледи, – поклонившись, ответил Рис.

Он мгновенно ушел куда-то и вернулся с двумя ведрами воды. Одно поставил перед лошадью, чтобы напилась, во второе окунул губку и принялся ее протирать, что-то приговаривая тихим голосом.

Джулиана поймала себя на мысли, что хотела бы узнать, что именно он бормочет. Явно что-то очень доброе, гораздо добрее, чем то, что он успел сказать ей с их вчерашней встречи.

Рис закончил чистить Вайолет, не забыв и про ее чудесную темную гриву. Нужно отдать ему должное, у него есть подход к лошадям, да и сделал он все профессионально.

– Что скажете, миледи? – отступил он в сторону, поклонившись.

Джулиана вдруг подумала, что никогда в жизни ей так не хотелось быть лошадью, но не собиралась признаваться в этом, лишь вздернула подбородок и заявила:

– Теперь нужно вычистить денник Вайолет.

Он выгнул бровь и взглянул на солому в стойле.

– Мне он кажется чистым, миледи. Я тщательно убрал его только сегодня утром.

Джулиана фыркнула, выказав тем самым сомнение в его умении правильно чистить денники. Придется бросить ему вызов. Изобразив умудренную опытом светскую даму, она наставительно проговорила:

– Если даже и так, навоз следует все же убрать. Уж будьте любезны.

С некоторым удивлением Джулиана смотрела, как Рис закатил в денник Вайолет тачку, вытащил откуда-то из глубины конюшни вилы и приступил к делу с неожиданным энтузиазмом.

Спустя некоторое время лоб его заблестел от пота, а рубашка прилипла к широкой груди и плоскому животу, обрисовывая мышцы. Джулиана тоже оттянула вырез амазонки. Сегодня не по сезону жарко, правда?

Рис не остановился и ни разу не посмотрел на нее. Порцию за порцией кидал он вилами солому в тачку, и буквально через четверть часа денник заблестел чистотой. Но, пожалуй, самым удивительным было то, что он ни разу не выразил недовольство. Рис отвез грязную солому в другую часть конюшни, вернулся с полной тачкой чистой, перекидал ее в денник и начал разравнивать толстым аккуратным слоем, ловко орудуя вилами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/valeri-boumen/pari-s-gercogom>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)